

Баранова Ксения Михайловна, Афанасьева Ольга Васильевна

ЗАРОЖДЕНИЕ ОБРАЗА ГРЕШНОГО СВЯЩЕННИКА В АМЕРИКАНСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Статья посвящена анализу причин появления в колониальной литературе США образа грешного священника, который в дальнейшем эволюционирует и переходит в произведения англоязычных авторов иных стран. В статье анализируется, каким образом он показан в произведении У. Брэдфорда "История поселения в Плимуте". Основное внимание авторы акцентируют на критическом анализе статуса церковнослужителя в поселениях Новой Англии и Европе, обращая внимание на становление формирующейся нации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/12-3/3.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(78): в 4-х ч. Ч. 3. С. 16-19. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 17.09.91(73)

Статья посвящена анализу причин появления в колониальной литературе США образа грешного священника, который в дальнейшем эволюционирует и переходит в произведения англоязычных авторов иных стран. В статье анализируется, каким образом он показан в произведении У. Брэдфорда «История поселения в Плимуте». Основное внимание авторы акцентируют на критическом анализе статуса церковнослужителя в поселениях Новой Англии и Европе, обращая внимание на становление формирующейся нации.

Ключевые слова и фразы: грех; священник; протестантизм; пуританизм; колониальный.

Баранова Ксения Михайловна, д. филол. н., доцент
Афанасьева Ольга Васильевна, д. филол. н., профессор
Московский городской педагогический университет
Ksenia1973-73@mail.ru; AfanasievaOV@mgpu.ru

ЗАРОЖДЕНИЕ ОБРАЗА ГРЕШНОГО СВЯЩЕННИКА В АМЕРИКАНСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Образ грешного священника появляется во многих произведениях американской литературы на протяжении нескольких веков. В XIX столетии к нему неоднократно обращался, например, известный романтик Н. Готорн. В его новелле «Черная вуаль священника» (1836) и романе «Алая буква» (1850) главным действующим лицом выступает священнослужитель, своим поведением фактически нарушающий богоугодные законы и вступающий в противоречие с идеалами религиозного вероучения, которому следует. В XX веке Дж. Стейнбек вводит в роман «Гроздь гнева» (1939) фигуру согрешившего служителя церкви. Однако истоки зарождения анализируемого образа следует искать в одном из первых сочинений американской словесности – работе У. Брэдфорда «История поселения в Плимуте» (1646-1650). Именно на страницах этого произведения губернатор Плимутского поселения впервые в американской литературе вводит описание пастора, действия которого рассматриваются как греховные. Иными словами, он поднимает тему грехопадения священника, ставшую в дальнейшем одной из центральных для литературы США. Отметим, что «каждое литературное произведение воплощает индивидуально-авторское восприятие картины мира» [5, с. 44], и дневниковые записи У. Брэдфорда в этом отношении не являются исключением.

Как известно, в сочинении У. Брэдфорда современные литературоведы усматривают две функционально значимые характеристики. С одной стороны, в «Истории поселения в Плимуте» отчётливо проявляются первые признаки «зарождающегося в те далёкие годы самосознания колонистов, вошедшего впоследствии в фундамент национального менталитета. С другой стороны, в этом произведении можно выявить первые элементы художественных традиций США» [1, с. 3], «первый непосредственный художественный опыт освоения реального континента» [Там же, с. 4].

Практически все исследователи, изучающие колониальный период становления американской литературы, отмечают тот факт, что её базис во многом составляет религиозная основа. Жители первых поселений Новой Англии в большинстве своём покинули свою родину из-за серьёзных религиозных притеснений. Они фактически начали то длительное путешествие из Европы в Америку, которое растянулось на долгие десятилетия. Если исходить из определения американцев как нации, которая находится «всегда в пути», то объективно следует признать, что путь этот начали прокладывать переселенцы, ставшие впоследствии жителями Плимутской общины. Как подчёркивают современные американисты, «потребность на протяжении нескольких веков изображать становление формирующейся нации, её движение и динамику, подчёркивая частую смену жительства, можно во многом объяснить тем фактом, что жители США исторически воспринимают себя как людей,двигающихся по определённому пути, который был указан им Создателем, и до сих пор полагают, что они выполняют своеобразную миссию перед Всевышним» [7, с. 114].

Колонисты, основавшие Плимутское поселение, были убеждены, что человек свободен в выборе вероисповедания, но жизненный путь его заранее предопределён Высшими силами. Для переселенцев, «согласно представлениям пуританского проповедника XVII века Дж. Уинтропа (J. Winthrop), главенствующими являлись интересы общины и идея единства» [5, с. 44]. Колонисты были выразителями философско-религиозного учения, получившего в науке наименование *пуританизм*. Он, в свою очередь, представляет собой наиболее радикальную ветвь одного из основных направлений христианства – протестантизма, которое возникло в Европе в начале XVI века в связи с распространённым в те годы антикатолическим движением. В теоретическом плане протестантизм основывался на учении Ж. Кальвина и его постулатах о греховности каждого человека и наличии личной непосредственной связи верующего с Создателем без посредничества церкви и, соответственно, её служителей. Представители же католицизма полагали, что священники имели большое, если не определяющее влияние в оказании посредничества между Всевышним и отдельным индивидом.

Существенное различие в понимании роли священнослужителей католиками и протестантами не влияло на статус представителей церкви в обществе тех лет. Они пользовались неизменным уважением среди членов общин. Пастор для верующих представлял собой человека, обладающего высокими моральными устоями, чьё поведение повсеместно рассматривалось как образец для подражания. В литературных произведениях

того периода священники обычно наделялись положительными характеристиками. Использование же определения *грешный* по отношению к служителям церкви воспринималось большинством населения как неуместное. Однако в «Истории поселения в Плимуте», сочинении, которое, по мнению большинства учёных-американистов (М. М. Коренева, Л. А. Мишина, Е. А. Стеценко и др.), считается наиболее значимым произведением американской словесности колониального периода начала XVII века, появляется описание священника, не соответствующее установленным традицией канонам.

В некоторых работах отечественных исследователей, посвящённых изучению произведений колониальной литературы США, подчёркивается, что часто «греховность понимается как Зло, которое человек носит в своём сердце... что заставляет индивида поступать не по-христиански» [4, с. 354]. В «Словаре религиозных терминов» даётся следующее определение интересующего нас феномена: «...грех – это по религиозному учению нарушение в мыслях или действиях воли Бога, воплощенной в нравственных предписаниях, правилах и нормах поведения, установленных церковью» [6, с. 10]. Проблеме греха на страницах дневниковых записей У. Брэдфорда уделяется много места. Прежде всего, это описание поведения священника Дж. Лайфорда, который появляется в Плимутском поселении в 1623 году. Не менее значимой в этом произведении является и проблема божественного предопределения. Именно поэтому У. Брэдфорд пытался истолковать события, происходившие в колонии, исходя из постулата Божественного промысла и твердого убеждения, что греховные деяния будут неминуемо наказаны Господом.

Это и происходит в действительности, поскольку в конце своего повествования губернатор сообщает, что за свои прегрешения Лайфорд, нарушивший каноны протестантской морали, не только изгоняется из общины, но и лишается сана священника. При этом сам автор подчёркивает, что в своём дневнике он намерен остановиться детально на поведении этого человека. У. Брэдфорд отмечает: «...о нём [о Дж. Лайфорде] и о делах его должен я рассказать подробнее» [3, с. 143-144]. Столь пристальное внимание к фигуре священника у повествователя не случайно. Вся история его пребывания в поселении излагается «шаг за шагом», потому что поступки этого человека настолько не согласуются с нормами поведения, принятыми в общине, что они повергают в изумление и вызывают негодование большинства поселенцев. По сути, всё, что делает Лайфорд, противоречит пониманию богоугодных деяний в протестантизме. Естественно, такое нарушение сущностных христианских заповедей явилось неприемлемым для верующих и неминуемо трактовалось ими как греховность.

Однако, как пишет Брэдфорд, в момент появления в Плимуте, в самом начале своего пребывания в общине, Лайфорд производил впечатление добропорядочного гражданина: «Впервые сойдя на берег, человек этот приветствовал всех с почтительностью и смирением, какие редко доводится видеть; и столь раболепно кланялся, что всех поверг в смущение; и готов был целовать всем руки, если бы допустили это; и проливал слезы, благословлял бога, что привел его всех нас увидеть; и восторгался всем, что было здесь сделано и т.д.; словом весь был любовь и смирение» [Там же, с. 144].

Но дальнейшие события показывают лицемерие и лживый нрав священника. Именно поэтому Брэдфорд сравнивает его то с коварным Измаилом (Ишмаилом), то с Каином – образами, которые в христианстве воспринимаются в качестве настоящих грешников. Так, например, об имеющем царское происхождение Измаиле окружающие его сограждане отзывались как о лицемере, со скверным характером, склонным к плутовству и обману. Имя же Каин, которое получил при рождении старший сын Адама и Евы, стало нарицательным для обозначения злобного и полного зависти человека, который способен на любые подлости. Естественно, что сравнение Лайфорда с этими библейскими персонажами, один из которых предал и умертвил Годолию, сына правителя Иудеи, а второй убил из зависти своего младшего брата Авеля, показывает, насколько низко оценивает губернатор священника, все действия которого направлены на причинение зла жителям Плимутского поселения. Он, по сути, ставит вопрос о моральной ответственности служителя алтаря, совершившего грешные поступки.

Лайфорд, вступив в здешнюю церковную общину, «всё время получал для себя и семьи своей больше провизии из общих запасов, чем кто-либо; а также одежды сколько было надобно; жилище отвели ему в одном из лучших домов... и дали особого человека для услуг» [Там же, с. 154]. Имел священник и доступ к наиболее важным совещаниям общины, что давало ему возможность быть в курсе всего происходившего в поселении. Прикрываясь добропорядочными заявлениями, он казался человеком, заинтересованным в благополучном развитии общины. Однако длилось подобное поведение недолго. В своих записях Брэдфорд подчёркивает, что вместе с неким Джоном Олдом, которого губернатор называет соучастником Лайфорда, священник начинает вершить зло. Повествователь пишет, что «оба они, и Олдом и священник, оказались негодяями и величайшее проявили коварство, вовлекая в козни свои, кого только могли; будь то последние из нечестивцев, они и тех обхаживали и лелеяли, лишь бы стояли за них и высказывались против здешней общины» [Там же, с. 145].

Автор дневника упоминает и тайные сговоры, и перешептывания, и попытки вовлечь в свою злонамеренную деятельность тех, кого затруднительно было бы рассматривать в качестве истинно верующих протестантов. Брэдфорд удивительно тщательно анализирует все поступки Лайфорда. Это, в частности, более двадцати писем священника, которые тот пытался отправить в Англию, чтобы причинить вред колонистам и «повредить делу» церковной общины или «полностью его погубить». Письма предназначались пайщикам, от мнения и решения которых во многом зависела судьба колонистов и будущее самой колонии. Бездоказательно обвиняя плимутцев в неправильных действиях, не приводя каких-либо фактов в качестве основы своих обвинений, Лайфорд был уверен, что его слова не вызовут у пайщиков и тени сомнения, так как церковный сан ставил его в особое положение. Верующие в те годы абсолютно принимали всё то, что изрекалось священнослужителями,

особенно в Англии, где католичество было одной из ведущих религий и фигура священника, повторимся, рассматривалась членами церковных общин как лицо, которое не могло совершать аморальные действия.

Между тем письма Лайфорда были полны клеветы и лживых обвинений. В сущности, он и его приспешники готовились ввести новые таинства, о которых не считали нужным сообщать остальным колонистам. Они противопоставляли себя членам общины, созывали собственные собрания, что в значительной степени вредило как самой церковной общине, так и всему поселению – ведь поселенцы совершили переезд на североамериканский континент для того, чтобы обрести свободу совести и свободно исповедовать их собственную религию. В своих записях Брэдфорд недвусмысленно обвиняет Лайфорда в предательстве, коварстве и призывах к мятежу. При этом между строк можно уловить и обвинения в неблагодарности по отношению к людям, которые приютили священника, дали ему кров, защиту, когда он в этом более всего нуждался.

Отчет о всех прегрешениях Лайфорда Брэдфорд излагает объективно, приводя многочисленные факты, упоминая имена и фамилии очевидцев тех событий. Поскольку письма, по сути являющиеся доносами, были изъяты и предъявлены Лайфорду в качестве обвинения, он был вынужден признать свою вину. Отрицание его грехопадения было невозможно, поскольку подкреплялось доказательствами.

После того как Лайфорда уличили в творимых им кознях, колонисты, как истинные пуритане, приняли решение дать ему возможность одуматься и исправиться, несмотря на все его неблагоприятные поступки. Поселенцы надеялись, что Лайфорд сможет искоренить свои пороки, однако они ошибались. Покаяние Лайфорда, обильно смоченное слезами, произвело сильное впечатление на членов церковной общины, ибо священник признал, что «грешил завистью и злобой против братьев своих» [Там же, с. 152]. Признал он также, что «причиной его поступков были 3 вещи: гордость, тщеславие и себялюбие. И много еще к этому добавил с великим сокрушением» [Там же].

Тем не менее и эти слова оказались проявлением лицемерия. Лайфорд написал втайне от членов общины второе письмо к пайщикам, в котором подчеркнул, что церковь в Плимуте существует лишь для «малой части поселенцев, что пасторство присвоили они себе, утверждая, будто Господь не назначал никаких священников для обращения тех, кто оказался за оградой» [Там же, с. 153]. Лайфорд лживо утверждал, что богослужений с самого приезда колонистов в общине не было [Там же].

После того как Лайфорд был уличен и в этих неблагоприятных поступках, его жена наконец-то нашла в себе силы и раскрыла истинные причины их переезда из Англии на североамериканский континент – беспутство, измены ее мужа, в которых он постоянно каялся, но, получив прощение, возвращался к прежнему греховному образу жизни. Раскаяние его всегда лишь казалось искренним и сопровождалось потоками горьких слез, а также мольбами о прощении. В действительности же все это оказывалось очередным актом лицемерия и предательства. Таким образом, в конце испытательного срока, который был предоставлен Лайфорду для исправления, жители Плимутского поселения на общем собрании колонии приняли решение лишить Лайфорда сана священника и сообщили ему, что отныне он изгнан из общины.

Отметим, что в Англии дело Лайфорда получило неоднозначную оценку среди жителей страны. Часть из них была возмущена, что колонисты осмелились обвинять в каких-либо грехах священнослужителя. Уже сам факт, что данное лицо принадлежало институту церкви, с их точки зрения, делало его неподсудным, ибо он являлся связующим звеном между Всевышним и верующими, а значит, безусловно, был благочестив и негреховен. Более того, заступники Лайфорда даже грозили судом тем, кто называл его поведение недостойным сана священника. Эти факты лишней раз доказывают, насколько непогрешимость служителей церкви воспринималась как само собой разумеющееся среди большинства населения Англии того времени.

Изложение реальных фактов грехопадения священника, детальный анализ и подробное описание его проступков с неопровержимыми доказательствами впервые появилось в сочинении колониального автора не случайно. Именно тот факт, что переселенцы в Плимуте и сам губернатор были протестантами, а точнее пуританами, позволил им непредвзято взглянуть на происходящее с Лайфордом и объективно оценить его действия как греховные поступки, а самого священника рассматривать в качестве лица, неспособного нести моральную ответственность за свои деяния. Ведь последователи пуританизма полагали, что в силу того, что прародители человечества нарушили запрет, наложенный на них Всевышним, и совершили первородный грех, весь человеческий род оказался открытым к совершению грехопадения. Иными словами, для пуритан возможность совершения греха священником не отвергалась, а рассматривалась как вполне допустимая. Более того, как истинные последователи единственно правильного, по их мнению вероучения, которые были избраны Господом для выполнения великой миссии, они нацелены были на добрые дела и руководствовались постулатом «если не делаешь доброго, то у двери грех лежит» [2].

Появление образа грешного священника в «Истории поселения в Плимуте» положило начало введению подобного персонажа в тексты сочинений американских авторов последующих эпох. Как уже отмечалось, в произведениях Н. Готорна «Черная вуаль священника» и «Алая буква» центральными фигурами выступают священники, поступки которых не являются угодными Богу. То же самое можно сказать и о романе «Ангелы и демоны» (2000) Д. Брауна. Тема священнослужителя, не противостоящего греху, часто затрагивается в произведениях англоязычных авторов и в других странах. Так, с анализируемым в статье образом читатель сталкивается на страницах широко известного романа «Поющие в терновнике» (1977) австралийского писателя К. Маккалоу, в сочинениях английских авторов «Томас Уингфолд, священник» (1876) Дж. Макдоналда, «Сила и слава» (1940) Гр. Грина, «Мальчик-менестрель» (1975) А. Кронина.

Интерес к обсуждаемой теме наблюдается и сегодня, причём не только в литературных сочинениях. Во многих публикациях западной прессы ставится вопрос об участившихся случаях ненадлежащего с моральной точки зрения поведения служителей церкви. Эти же проблемы рассматриваются как злободневные и в информационном пространстве Интернета, что свидетельствует об актуальности темы *грешного священника* и в наши дни.

Список источников

1. Баранова К. М. Образ Нового Адама в американской литературе колониального периода (религиозный, гражданский и личный идеалы): монография. М.: МГПУ, 2014. 148 с.
2. Библия Онлайн [Электронный ресурс]. URL: <http://bibleonline.ru> (дата обращения: 11.09.2017).
3. Брэдфорд У. История поселения в Плимуте. М.: Художественная литература, 1987. 749 с.
4. Ильина О. А. Образ грешного священника в «Истории поселения в Плимуте» Уильяма Брэдфорда // Теория и практика общественного развития. 2011. № 7. С. 354-356.
5. Машошина В. С. Языковая репрезентация концепта «одинокость» в романе Г. Мелвилла «Моби Дик, или Белый Кит» // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2015. № 2 (18). С. 44-49.
6. Миронов О. В. Словарь литературоведческих терминов (в помощь изучающим «Основы религиоведения»). Воронеж: ВГУ, 2002. 42 с.
7. Федоренко О. Я. Реализация мотива *путя* в пьесе Т. Уильямса «И вдруг минувшим летом» // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2017. № 2 (26). С. 114-121.

THE ORIGIN OF SINFUL PRIEST'S IMAGE IN AMERICAN COLONIAL LITERATURE

Baranova Kseniya Mikhailovna, Doctor in Philology, Associate Professor

Afnas'eva Ol'ga Vasil'evna, Doctor in Philology, Professor

Moscow City University

Ksenia1973-73@mail.ru; AfnasievaOV@mgpu.ru

The article is devoted to the analysis of the reasons for the emergence of sinful priest's image in the colonial literature of the USA, which evolves and goes later into the works of the English-speaking writers of other countries. The study analyzes how it is shown in the work of W. Bradford "Of Plymouth Plantation". The authors focus on a critical analysis of clergyman's status in the settlements of New England and Europe, paying attention to the formation of an emerging nation.

Key words and phrases: sin; priest; Protestantism; Puritanism; colonial.

УДК 82.091

Статья посвящена исследованию цветовой картины мира в лирических циклах Г. В. Кондакова «Алтай мой – колокол земли» и «Праздник росы». В стихотворениях данных циклов через цветосимволику прослеживается концепция взаимоотношения человека и природы. Автор статьи приходит к выводу о том, что основными в цветовой картине мира поэта являются три цвета: белый, синий, зеленый, – которые представляют собой неделимую триаду, символизирующую чистоту, истину, вечность, божественность. Стихия воды соединяет в картине мира поэта в единое целое небо и землю Алтая, а река Катунь выступает в качестве границы/пояса, является связующим звеном между небом и землей, верхним, средним и нижним мирами.

Ключевые слова и фразы: Г. В. Кондаков; Алтай; цветовая картина мира; мифологема; художественное пространство; символика цвета; региональная литература.

Бедарева Ирина Александровна, к. филол. н.

Горно-Алтайский государственный университет

bediral@mail.ru

**ЦВЕТ И СВЕТ В ЛИРИКЕ Г. В. КОНДАКОВА
(НА МАТЕРИАЛЕ ЦИКЛОВ «АЛТАЙ МОЙ – КОЛОКОЛ ЗЕМЛИ», «ПРАЗДНИК РОСЫ»)**

Статья подготовлена при финансовой поддержке проекта Российского гуманитарного научного фонда «Алтайский текст русской литературы» № 16-14-04001 а(р).

Предметом исследования являются два лирических цикла Г. В. Кондакова – «Алтай мой – колокол земли», включающий 36 стихотворений, и «Праздник росы», включающий 15 стихотворений, – в связи с тем, что в них с наибольшей отчетливостью выражена цветовая картина мира, а также концепция взаимоотношения человека и природы.